

ОСВЕЩЕНИЕ КУЗНЕЦКОГО ПЕРИОДА
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО В РАБОТАХ ДОСТОЕВИСТОВ

STUDYING OF F. M. DOSTOEVSKY'S KUZNETSK PERIOD
IN THE WORKS OF PHILOLOGISTS STUDYING HIS CREATIVITY

Аннотация. В статье рассматривается образ города Кузнецка в работах исследователей жизни и творчества Ф. М. Достоевского, а также исследовательские гипотезы относительно прототипов персонажей произведений писателя.

Abstract. The article examines the image of the city of Kuznetsk in the works of researchers studying the life and works of F. M. Dostoevsky, as well as research hypotheses related to the prototypes of some characters of the writer's works.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, Кузнецк, Новокузнецк

Key words: F. M. Dostoevsky, Kuznetsk, Novokuznetsk

Ф. М. Достоевский за свои три приезда в Кузнецк в 1856–1857 годах провел в городе в общей сложности 22 дня. Пребывание здесь писателя было связано с важным фактом его биографии – 6 февраля 1857 года в Одигитриевской церкви города Кузнецка он венчался со своей первой супругой Марией Дмитриевной Исаевой.

Данное исследование нацелено на выявление образа города Кузнецка середины XIX века, каким он предстает в работах достоевистов, а также на рассмотрение исследовательских гипотез о взаимосвязи событий, связанных с городом, с творчеством писателя.

В качестве первой иллюстрации обратимся к 12-серийному документальному фильму «Жизнь и смерть Достоевского» (2004 год, автор и ведущий – Игорь Волгин, режиссер – Александр Ключкин). Документальный сериал лишь вскользь упоминает о браке Достоевского с Исаевой и только в контексте рассказа об отношениях писателя с Аполлинарией Суловой (6 серия). Упоминаются в фильме первый супруг Марии Дмитриевны (Александр Исаев) и Николай Вергунов – соперник Достоевского, которым была увлечена Исаева в Кузнецке. Сам город в фильме не упомянут, в качестве визуального ряда использована лишь фотография начала XX века городской пристани Кузнецка на Иванцевской протоке. Обойдя стороной художественные произведения (фильмы, литературные очерки), уделим внимание научным публикациям, посвященным биографии и творчеству Достоевского.

Сам Достоевский в письме к А. Е. Врангелю от 23 марта 1856 года сравнивал ситуацию, развернувшуюся в Кузнецке – Семипалатинске, с сюжетом своего уже опубликованного романа: *«Она [М. Д. Исаева] в положении моей героини в «Бедных людях», которая выходит за Быкова (напророчил же я себе!)»*. Это наблюдение самого Достоевского развивалось в последующем исследователями его творчества [1, с. 89].

Остановимся на работах о творчестве Достоевского, которые называют в качестве прототипов персонажей его произведений участников «кузнецкой истории» (супруги Исаевы, Вергунов). Уже Анна Григорьевна (вторая жена писателя) отмечала изображение многих черт Марии Дмитриевны в романе «Преступление и наказание». Речь идет о Катерине Ивановне Мармеладовой, а сцену её смерти в произведении Анна Григорьевна сравнивает со смертью М. Д. Исаевой [2, с. 54–71, с. 57]. Этим было положено начало последующих изысканий соответствий сюжетов произведений писателя с фактами его биографии, связанными с Марией Дмитриевной [3, с. 56–58].

Сходство биографических событий, связанных с первой супругой Достоевского и судьбой семьи Мармеладовых в романе «Преступление и наказание», отмечал и Л. П. Гроссман [4, с. 37–38]. Продолжая данную линию, в качестве возможных прототипов Мармеладова и Катерины Ивановны С. В. Беликов также называет Марию Дмитриевну и её первого мужа А. И. Исаева [5, с. 62–66].

В целом, рассказ о судьбе Катерины Ивановны в «Преступлении и наказании» многие исследователи соотнесли с биографией Марии Дмитриевны Исаевой. *«И осталась она после него с тремя малолетними детьми в уезде далеком и зверском, где и я тогда находился, и осталась в такой нищете безнадежной, что я хотя и много видал приключений различных, но даже и описать не в состоянии. Родные же все отказались. Да и горда была, чересчур горда...»*, – пишет Достоевский в романе. Созвучие обстоятельств жизни героини и первой супруги писателя отмечают Борис Тихомиров [6, с. 69–71] и Людмила Сараскина [7].

Анализируются исследователями параллели событий в Кузнецке с романом «Униженные и оскорбленные», первым романом, написанным Достоевским после рассматриваемых событий. Один из первых биографов писателя Орест Миллер отмечал: *«Близкое знакомство с письмами к А. Е. Врангелю в их полном виде кидает новый свет на роман, написанный по возвращении из Сибири»* [8, с. 151]. Николай Лосский, вслед за Миллером, также увязывает отношения Достоевского с Исаевой и судьбу героев романа «Униженные и оскорбленные» [9]. Марк Слоним акцентирует внимание на треугольнике «Достоевский – Исаева – Вергунов», соотнося фактический сюжет с сюжетом художественным (роман «Униженные и

оскорбленные»), указывая на близость судеб Марии Дмитриевны и Наташи [10].

Н. Долинина отмечает, что сюжет «Униженных и оскорбленных», где Наташа предпочла Ивану Петровичу Алешу, во многом автобиографичен и отсылает нас к событиям в Семипалатинске и Кузнецке, а в дальнейшем, по мнению исследовательницы, эта «любовь-мучение» была раскрыта и на страницах романа «Идиот» [11]. Благодаря событиям вокруг взаимоотношений Достоевского со своим кузнецким соперником – учителем Н. Б. Вергуновым – ставшим «поручителем» на свадьбе, как пишет Н. И. Левченко, «возникает трагический “любвный треугольник”»: князь Мышкин – Рогожин – Настасья Филипповна» [12, с. 242].

Обстоятельства личной жизни Федора Михайловича, а именно треугольник «Достоевский – Исаева – Вергунов», по мнению итальянского исследователя Дж. Пачини, легли в основу повести «Вечный муж» [13]. Аналогичное предположение встречаем и в книге русского философа Николая Лосского «Достоевский и его христианское миропонимание» [9].

По мнению японского исследователя творчества писателя Накамура Кэнноскэ, автора словаря персонажей произведений Ф. М. Достоевского, Мария Исаева стала прототипом следующих персонажей: Татьяна Ивановна («Село Степанчиково и его обитатели»), Зинаида Афанасьевна («Дядюшкин сон»), Наташа («Униженные и оскорбленные»), Настасья Филипповна («Идиот») [14].

События, связанные с Кузнецком, рассматривались исследователями не только как основа для будущих произведений, но и как повлиявшие на последующую жизнь Ф. М. Достоевского. И. Волгин предлагает точку зрения, согласно которой обстоятельства отношений с М. Д. Исаевой стали фактором, «осложнившим второй дебют» писателя в литературе [15].

Константин Мочульский останавливается на рассмотрении своеобразного воспроизведения кузнецких событий, случившихся с Достоевским в августе 1863 года в Париже, когда Аполлинария Сулова, которой был увлечен писатель, сходится с испанским студентом Сальвадором. *«Повторяется ситуация сватовства писателя, его поездки в Кузнецк, где Мария Дмитриевна объявила ему, что любит Вергунова. Отвернутый любовник утешает, уговаривает, переходит на роль друга и брата. Фабула «Униженных и оскорбленных» (Иван Петрович — Наташа — Алеша) снова воплощается в действительности»* [16, с. 196].

Смерть Марии Дмитриевны в 1864 году стала сильнейшим личным впечатлением для Достоевского, проявившимся во многих последующих произведениях писателя. Встречу Достоевского со смертью жены Юрий Карякин назвал «источником прозрений» для писателя [17].

К известной дневниковой записи писателя от 16 апреля 1864 года, сделанной им у гроба первой жены (*«Маша лежит на столе. Увижусь ли с Машей?»*) обращаются многие исследователи религиозных воззрений Достоевского. В частности, подробный анализ данного текста проводит Борис Тихомиров в своем исследовании религиозных аспектов творчества писателя [18]. Данная ситуация воспроизводится и в художественном тексте самого Достоевского, в повести «Кроткая»: *«жена на столе в гробу и размышляющий муж»* [19].

Говоря о значении для творчества писателя его пребывания в Кузнецке, стоит упомянуть о статье новокузнецкого историка Н. А. Кузнецова, отстаивающего точку зрения о том, что обитавший в Кузнецке старец Василиск со своим послушником Зосимой послужил прототипом старца Зосимы в романе «Братья Карамазовы» [20].

Обратимся к образу Кузнецка, каким он предстает в текстах Достоевских, обратив в первую очередь внимание на контекст, в котором упоминается город в текстах самого Федора Михайловича, а именно в письмах Достоевского А. Е. Врангелю: «Ей ли [М. Д. Исаевой] с ее сердцем, с ее умом прожить всю жизнь в Кузнецке бог знает с кем» (23 марта 1856 года); «Что с ней [М. Д. Исаевой] будет в бедности, с кучей детей и приговоренною к Кузнецку? <...> А он [Н. Б. Вергунов] истинно по-кузнецки и глупо принял себе за личность и за оскорбление дружескую, братскую просьбу мою. <...> У него нет денег, определенного в будущем и вечный Кузнецк» (14 июля 1856 года); *«Жить в Кузнецке ужасно»* 9 ноября 1856 года) [21, с. 243].

Возвращение Достоевского в литературу после длительного молчания состоялось в 1859 году публикацией повестей «Дядюшкин сон» и «Село Степанчиково и его обитатели». Георгий Иванович Чулков так пишет о «втором дебюте» писателя: «Обе повести как будто какой-то перевал к новой творческой эпохе. В распоряжении Достоевского были десятки тем, и он выбрал, конечно, неслучайно эти рассказы из быта *захолустья*. Впечатления *провинциальной жизни* — в Семипалатинске, Барнауле, Кузнецке — сочетались с воспоминаниями отроческих и юношеских лет и той литературной борьбы, которые были прерваны арестом и каторгой» [22, с. 149].

Вряд ли можно однозначно говорить о Кузнецке как о прообразе места действия произведений Достоевского (не стоит забывать кратковременность пребывания писателя в городе и непростые жизненные обстоятельства Достоевского, связанные с Кузнецком). Отметим единственное (скорее, гипотетическое) упоминание города Кузнецка исследователями творчества писателя. Речь идет о «Записках из Мертвого дома», а точнее о комментарии, помещенном в издании полного собрания сочинений. Обратимся к тексту произведения: *«В отдаленных краях Сибири, среди степей, гор или непроходимых лесов, попадаются изредка маленькие города, с одной, много*

с двумя тысячами жителей, деревянные, невзрачные, с двумя церквями — одной в городе, другой на кладбище, — города, похожие более на хорошее подмосковное село, чем на город. <...> В одном из таких веселых и довольных собою городков, с самым милейшим населением, воспоминание о котором останется неизгладимым в моем сердце, встретил я Александра Петровича Горянчикова, поселенца, родившегося в России дворянином и помещиком, потом сделавшегося ссыльнокаторжным второго разряда за убийство жены своей и, по истечении определенного ему законом десятилетнего термина каторги, смиренно и неслышно доживавшего свой век в городке К. поселенцем» [23, с. 5–6]. Относительно упомянутого городка К. автор комментариев И. Д. Якубович (один из составителей трехтомника летописи жизни и творчества Ф. М. Достоевского [24]) отмечает: «Очевидно, имеется в виду Кузнецк» [23, с. 301].

Перейдем к упоминаниям Кузнецка в контексте исследований биографии писателя. В большинстве случаев город удостоивается не самых лучших оценок, например, Кузнецк, как один из городов, где прошли годы изгнания Ф. М. Достоевского [25, с. 210], или как город, откуда «шли безотрадные вести, одна тревожнее другой. М. Д. Исаева, уехав в глушь с мужем, пьяным и вечно больным, томилась и скучала. <...> Кузнецк тогда был городом маленьким, все про всех всё знали [26, с. 46, с. 56]; Кузнецк – провинция, захолустье [22, с. 149].

Особый интерес вызывают биографии Ф. М. Достоевского из серии «Жизнь замечательных людей», представляющие собой адаптированные для широкого круга читателей жизнеописания, а также отражающие современное им состояние изучения биографии Достоевского. В данной серии вышли три книги, посвященные жизни писателя, каждая из которых пережила несколько переизданий: Л. П. Гроссман (1962), Ю. И. Селезнёв (1981), Л. А. Сараскина (2011). В первой из них, рассказывая о переезде Исаевых из Семипалатинска, Гроссман пишет: «Предстоял переезд [Исаевых] в страшную глушь, за 700 верст, в дикий сибирский городишко Кузнецк Томской губернии». Рассказывая уже о свадьбе Достоевского в Кузнецке, автор описывает место действия, где Достоевский «пережил свое первое счастье» и где «произошло одно из важнейших событий его личной биографии», следующим образом: «Это был убогий поселок звероловов и золотоискателей при древнем остроге» [27].

Юрий Иванович Селезнёв воздерживается от описания и оценок города Кузнецка, сосредотачиваясь на взаимоотношениях писателя с Марией Дмитриевной [28, с. 183].

Последняя на сегодняшний день биография Ф. М. Достоевского в серии «Жизнь замечательных людей» – работа Людмилы Ивановны Сараски-

ной. Исследовательница именует Кузнецк «уездным городишком» и приводит слова П. П. Семёнова-Тян-Шанского, писавшего, что Александра Исаева перевели туда «за непригодность к исполнению служебных обязанностей в Семипалатинске» [7, с. 291]. Однако далее, уже в контексте рассказа о венчании Федора Михайловича с Марией Дмитриевной, следует реабилитация Кузнецка: «Город был на стороне брачующихся против казенных формальностей. Страхи и предубеждения насчет кузнецких обывателей — «гадин и дряней» — тоже были напрасны: окружной исправник И. М. Катанаев, богат и хлебосол, в доме которого М. Д. давно была своим человеком, стал «поручителем по невесте», а жена исправника, ценившая в Марии Дмитриевне воспитанность, ум и образованность, все заботы и труды по устройству свадьбы взяла на себя» [7, с. 311].

Книга Л. И. Сараскиной в рамках данной темы интересна и тем, что Людмила Ивановна рассматривает различные источники предубеждений относительно первой супруги Достоевского. С одной стороны, рассматриваются попытки Любви Федоровны Достоевской (дочери писателя) «изобразить первый брак отца как досадное недоразумение». Как замечает Сараскина, вполне справедливая ревность к Исаевой со стороны второй жены Федора Михайловича («побудившая вымарать из писем мужа слова любви к первой жене» [7, с. 301]), подтолкнула и дочь писателя настойчиво отрицать, что отец любил Марию Дмитриевну [7, с. 304]. Учитывая специфику воспоминаний А. Г. и Л. Ф. Достоевских как источников личного происхождения, многие исследователи и ранее отмечали необъективное отношение семьи Достоевского к его покойной супруге [29, с. 8]. С другой стороны, уделяется внимание и противоположным тенденциям, когда предпринимается «ответный ход — защита Исаевой от Достоевского». Л. И. Сараскина рассматривает книгу кемеровских исследователей М. М. Кушниковой и В. В. Тогулева «“Кузнецкий венец” Федора Достоевского...» [30], трактовующую поступки писателя, связанные с первым браком, как бесчестные и «каторжные», а сами события названы хроникой «убиения» Марии Дмитриевны Исаевой [7, с. 305].

В целом, «локальные» изыскания, посвященные рассмотрению кузнецкого периода, стали основой для построения «местной мифологии» — акцентирование внимания на первом браке писателя как на предопределившем всю его дальнейшую судьбу и творческое развитие. Это порождено, очевидно, не только «местным патриотизмом» авторов исследований, но и не всегда пристальным вниманием литературоведов и биографов Ф. М. Достоевского к событиям, происходившим в Семипалатинске и Кузнецке. Немаловажную роль в формировании такой тенденции, как уже отмечалось выше, сыграла и А. Г. Достоевская — вторая жена писателя, отдавшая много сил и времени сохранению наследия, связанного с мужем, что неизбежно

привнесло и её субъективное влияние на тот массив материала, который был ей доступен.

Породившим множество мифов, связанных с пребыванием Достоевского в Сибири, стало предание о том, что в городе Кузнецке писатель провел несколько лет, будучи политическим ссыльным. Этот миф вылился в самое распространенное предположение о том, что писатель сидел в камере Кузнецкого тюремного крепостного замка № 6, над входом в которую располагалась табличка с надписью «Камера Достоевского» [31]. Данная легенда не рассматривается всерьез ни в одном из биографических исследований, посвященных службе Достоевского в Сибири. Более того, уже в публикациях советского периода, посвященных истории Кузнецка, указывается на ошибочность и «легендарность» подобных рассказов. На страницах городской газеты Сталинска (Новокузнецка) в феврале 1943 года выходит статья «Ф. М. Достоевский в Кузнецке», автор которой отмечает, что *«среди кузнечан сложились и получили обращение совершенно неверные рассказы о пребывании гениального писателя в их родном городе. Так, по воспоминаниям некоторых старожил, Достоевский жил в Кузнецке якобы около двух лет, любил ходить на охоту на курью “Рушайка” и будто бы написал несколько произведений. Существовала версия о том, что Федор Михайлович даже сидел в камере крепостной тюрьмы»* [32]. В результате поиска источников «легенды о камере Достоевского», новокузнецкий краевед И. В. Червяков приходит к предположению, что Федор Михайлович бывал в городе не три, а четыре раза. В свой четвертый визит (1856 год), неучтенный «официальной летописью» жизни писателя, Достоевский «отправился в рискованное путешествие, но был задержан в Кузнецке и, просидев в одиночной камере крепостной тюрьмы сутки, был вынужден вернуться. Эта поездка состоялась, скорее всего, в августе – сентябре» [33].

Но вернемся к образу Кузнецка. Французский философ и литературовед Рене Жирар в своей работе «Достоевский: от двойственности к единству» крайне метафорично описывает реалии сибирских городов, в которых бывал Достоевский. Начинает автор с Семипалатинска: «Посмотреть вблизи, так Семипалатинск был еще менее романтичен, чем Ионвиль-л'Аббеи [вымышленный город в Нормандии, в который переехала героиня романа Г. Флобера «Мадам Бовари»]. Жадные чиновники, грубые солдаты и мошенники всех видов барахтались в зависимости от сезона либо в пыли, либо в грязи» [34, с. 12]. Не менее яркие образы использует Р. Жирар и по отношению к Кузнецку: «Вдова жила в Кузнецке, еще более *глухом месте*, чем Семипалатинск, настоящем *сибирском Додж-сити* [печально известный и широко открытый для любителей пострелять приграничный городок из американского вестерна 1939 года, в котором ковбой, став шерифом,

наводит порядок], где миссию шерифа исполняла *тайная полиция*, а роль индейцев играли *киргизские кочевники*» [34, с. 13].

Таким образом, можно заключить, что исследования, посвященные творчеству Ф. М. Достоевского, уделяют немалое внимание рассмотрению участников кузнецкой коллизии как прототипов для многих персонажей писателя. Сам же город Кузнецк середины XIX века в работах литературоведов предстает не только как небольшой провинциальный город с весьма суровыми нравами, не слишком дружелюбно встречавший писателя и его будущую супругу, но и как место, где произошло одно из главных событий в жизни Достоевского.

ЛИТЕРАТУРА

1. Степанян К.А. Достоевский и Сервантес: диалог в большом времени. – Москва: Языки славянской культуры, 2013. – 368 с.
2. Достоевская А. Г. Примечания А. Г. Достоевской к сочинениям Ф. М. Достоевского // Гроссман Л. П. Семинар по Достоевскому: Материалы, библиография и комментарии. – Москва: Петроград: Гос. изд-во, 1922.
3. Прохоров Г. Романы Достоевского: (Исаева, Сулова) // Литературно-художественный сборник «Красной панорамы». – 1928. – Июль. – С. 56–64.
4. Гроссман Л. П. Город и люди «Преступления и наказания» // Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. – Москва: Гослитиздат, 1935.
5. Белов С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: Комментар.: кн. для учителя / под ред. Д. С. Лихачева. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Просвещение, 1985. – 240 с.
6. Тихомиров Б. Н. «Лазарь! гряди вон». Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в современном прочтении: книга-комментарий. – Санкт-Петербург: Серебряный век, 2005. – 472 с.
7. Сараскина Л. И. Достоевский. – Москва: Молодая гвардия, 2011. – 825 с.
8. Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. С портретом Ф. М. Достоевского и приложениями. – Санкт-Петербург: Тип. А.С. Суворина, 1883. – 506 с.
9. Лосский Н. О. Достоевский и его христианское миропонимание // Лосский Н. О. Бог и мировое зло. – Москва: Республика, 1994. – 432 с.
10. Слоним М. Три любви Достоевского. – Москва: ЭКСМО, 2011. – 416 с.
11. Долинина Н. Предисловие к Достоевскому. – Ленинград: Детская литература, 1980.
12. Левченко Н. И. Круг знакомых Ф. М. Достоевского в Семипалатинский период жизни // Достоевский. Материалы и исследования. – Ленинград, 1994. – Т. 11. – С. 235–246.
13. Пачини Дж. Христос — «вековечный от века идеал» // Пачини Дж. О философии Достоевского: Эссе / пер. с итал. М. Д. Зарецкой. – Москва: Прометей, 1992. – 80 с.
14. Кэнноскэ Н. Словарь персонажей произведений Ф. М. Достоевского / пер. с яп. А. Н. Мещерякова. – Санкт-Петербург: Гиперион, 2011. – 400 с.
15. Волгин И. Долг, равный жизни // Достоевский Ф. М. Село Степанчиково и его обитатели: Игрок: Записки из подполья / вступ. ст. и прим. И. Волгина. – Москва: Советская Россия, 1986.

16. Мочульский К. В. Достоевский. Жизнь и творчество. – Париж: YMCA-PRESS, 1980. – 565 с.
17. Карякин Ю. Достоевский: Очерки. – Москва: Правда, 1984. – 48 с.
18. Тихомиров Б. Н. Религиозные аспекты творчества Ф. М. Достоевского: проблемы интерпретации, комментирования текстологии: дис. ... д-ра филол. наук. – Санкт-Петербург: Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского, 2006. – 567 с.
19. Туниманов В. А. Приемы повествования в «Кроткой» // Вестник ЛГУ. – 1965. – № 2. – Сер. истории, языка и лит. – Вып. 1. – С. 106–115.
20. Кузнецов Н. А. Образы кузнецких старцев в «Братьях Карамазовых» Ф. М. Достоевского // Творчество Ф. М. Достоевского: проблемы, жанры, интерпретации. – Кемерово, 2014. – Сборник № 10. – С. 42–47.
21. Достоевский Ф. М. Письма 1832–1859 // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Ленинград, 1985. – Т. 28. – Ч. 1. – 477 с.
22. Чулков Г. И. Жизнь Достоевского / сост., подг. текста, коммент. и вступит. статья О. А. Богдановой. – Москва: ИМЛИ РАН, 2015. – 472 с.
23. Достоевский Ф. М. Записки из Мертвого дома // Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. – Ленинград, 1972. – Т. 4. – 426 с.
24. Летопись жизни и творчества Ф. М. Достоевского: 1821–1881: в 3 т. / сост. И. Д. Якубович и Т. И. Орнатская; под ред. Н. Ф. Будановой, Г. М. Фридлендера. – Санкт-Петербург, 1993.
25. Коган Г. Ф. Из истории Московского музея Достоевского // Достоевский. Материалы и исследования. – Ленинград, 1987. – Т. 7. – С. 210–226.
26. Соколов Б. В. Расшифрованный Достоевский: тайны романов о Христе. – Москва: ЭКСМО, 2007. – 509 с.
27. Гроссман Л. П. Достоевский. – Москва: Молодая гвардия, 1962. – 543 с.
28. Селезнёв Ю. И. Достоевский. – Москва: Молодая гвардия, 1985. – 543 с.
29. Белов С. В. Л. Ф. Достоевская и ее книга об отце // Достоевская Л. Ф. Достоевский в изображении своей дочери: первое полн. рус. изд. / вступ. ст. и прим. С. В. Белова; пер. с нем. Е. С. Кибардиной. – Санкт-Петербург: Андреев и сыновья, 1992.
30. Кушникова М. М., Тогулев В. В. «Кузнецкий венец» Федора Достоевского в его романах, письмах и библиографических источниках минувшего века. Книга первая. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. – 608 с.
31. Зазубрин В. Неезженными дорогами: [путешествие на самолете по Сибири] // Сибирские огни. – 1926. – № 3. – С. 182–201.
32. Достоевский в Кузнецке // Большевицкая сталь. – № 34 (10 февраля 1943 года). – С. 2.
33. Червяков И. В. Арест Ф. М. Достоевского в Кузнецке: вымысел или реальность? // Кузнецкая старина. Новокузнецк: 400 лет в истории России. – Томск: Новокузнецк: Изд-во Том. ун-та, 2018. – С. 282–286.
34. Жирар Р. Достоевский: от двойственности к единству / пер. с фр. (Серия «Религиозные мыслители»). – Москва: Издательство ББИ, 2013.

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Муниципальное автономное учреждение культуры
«Литературно-мемориальный музей Ф. М. Достоевского» (г. Новокузнецк)
Новокузнецкий институт (филиал)
ФГБОУ ВО «Кемеровский государственный университет»
Факультет филологии
Кафедра русского языка и литературы

200-летию Ф. М. Достоевского посвящается

ТВОРЧЕСТВО Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО: ПРОБЛЕМЫ, ЖАНРЫ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Выпуск XII

Новокузнецк – Красноярск

2020